Содержание

Кладбище забытых книг 7
Пепельные дни 14
Отверженные 54
Характер — это судьба 85
Город теней 111
Нурия Монфорт: воспоминания о призраках 405
Тень ветра 506
Post mortem 525
Вешние воды 529
Dramatis personae 537

Para Joan Ramon Planas,
*que merecería algo mejor**

* Жоану Рамону Планасу, хотя он заслуживает лучшего.

Кладбище забытых книг

Я как сейчас помню то раннее утро, когда отец впервые повел меня на Кладбище Забытых Книг. Стояли первые дни лета 1945 года. Мы шли по улицам Барселоны, накрытой пепельным небом, и мутное солнце жидкой медью растекалось по бульвару Санта-Моника.

– Даниель, ты никому не должен рассказывать о том, что сегодня увидишь, – предупредил меня отец. – Даже твоему другу Томасу.

– И маме? – спросил я полушепотом.

Отец вздохнул, заслонившись от меня своей неизменной грустной улыбкой, которая делала сумрачным его лицо.

– Ну что ты, – ответил он, потупив взгляд. – От нее у нас нет секретов. Ей все можно рассказывать.

Мать умерла сразу после гражданской войны, во время вспышки холеры. Мы похоронили ее на кладбище Монтжуик, в день, когда мне исполнилось четыре года. Помню, весь день и всю ночь шел дождь, и я спросил у отца: «Небо тоже плачет?» – и он не смог мне ответить: его подвел голос. Шесть лет спустя отсутствие матери все еще зияло в моем сердце, как беззвучный крик, который я так и не научился заглушать словами. Мы с отцом жили в не-

большой квартирке на улице Санта-Ана, неподалеку от церковной площади. Квартира располагалась над унаследованным от деда магазином, торговавшим антикварными изданиями и подержанными книгами, заколдованным царством, во владение которым, как полагал мой отец, в один прекрасный день должен был вступить я. Я вырос среди книг, находя незримых друзей на рассыпа́вшихся от прикосновения ветхих страницах, чей запах до сих пор хранят мои руки. С того времени у меня появилась привычка: сквозь сон, в полутьме спальни, рассказывать матери о том, что произошло за день, как дела в школе, что нового я там узнал... Я не мог слышать ее голос или чувствовать прикосновение, но исходившие от нее свет и тепло пульсировали в каждом уголке дома, и с верой, естественной для человека, чьи годы можно пересчитать по пальцам рук, я представлял, что, когда, закрыв глаза, зову ее, она слышит меня оттуда, где теперь обретается ее душа. Я знал, что отец тоже порой слышал меня из гостиной и тихо плакал.

Помню, однажды июньской ночью я проснулся на рассвете от собственного крика. Сердце колотилось так, будто душа рвалась вон из груди, чтобы взбежать по какой-то неведомой лестнице. Прибежал встревоженный отец, взял меня на руки и попытался успокоить.

– Я не могу вспомнить ее лицо. Я не помню маминого лица, – задыхаясь, лепетал я.

– Не бойся, Даниель. Я буду его помнить за нас двоих.

В полусвете мы смотрели друг на друга, пытаясь найти слова, которых не существовало. Тогда я впервые понял, что отец стареет и что его затуманенные и опустошенные глаза смотрят только назад. Он потянулся к занавеске и впустил в комнату тихий утренний свет.

– Давай, Даниель, одевайся. Я должен тебе кое-что показать.

– Сейчас? В пять утра?

— Некоторые вещи видны только в сумерках, — произнес отец, улыбаясь мягкой, загадочной улыбкой, которую, возможно, позаимствовал из какой-нибудь книги Александра Дюма.

Когда мы вышли из дома, безлюдные улицы все еще тонули в тумане. Мерцающий свет фонарей на бульваре Лас-Рамблас обозначал лишь его контуры, покуда город постепенно пробуждался от сна, утрачивая акварельную размытость. Дойдя до улицы Арко-дель-Театро, мы направились к кварталу Раваль, под аркаду с небесно-голубым сводом. Я следовал за отцом по узкому проходу, скорее напоминавшему шрам, пока отсветы бульвара Лас-Рамблас не остались позади. Окна и карнизы отражали косые утренние лучи, скользившие поверх все еще темных тротуаров. Наконец отец остановился перед резным деревянным порталом, потемневшим от времени и сырости. Перед нами возвышалось строение, напоминавшее развалины заброшенного дворца, где мог бы располагаться музей отзвуков и теней.

— Даниель, ты никому не должен рассказывать о том, что увидишь сегодня. Даже твоему другу Томасу. Никому.

Дверь открыл человечек с седой шевелюрой и птичьими чертами лица. Его орлиный глаз неподвижно уставился на меня.

— Здравствуй, Исаак. Это мой сын, Даниель, — сказал отец. — Скоро ему исполнится одиннадцать, и рано или поздно именно он станет хозяином моей лавки. Ему пора познакомиться с этим местом.

Тот, кого звали Исааком, кивком пригласил нас войти. Во дворце царил голубоватый полумрак, в котором едва угадывалась мраморная лестница и галерея, расписанная некогда фресками, изображавшими ангелов и химер. Мы проследовали за нашим провожатым по дворцовому коридору и вошли в круглую залу, где царил церковный полумрак, из-под купола которой в окна били снопы солнечного света. От пола до самого верха вздымался лаби-

ринт полок, забитых книгами; их расположение напоминало расположение сот в улье, с проходами, ступенями, плитами и мостиками; это было нечто вроде огромной библиотеки с хаотическим нагромождением книжных полок. Разинув рот, я посмотрел на отца. Он улыбнулся и подмигнул мне:

– Добро пожаловать на Кладбище Забытых Книг.

По этажам и переходам библиотеки бродило несколько фигур. Некоторые издали приветствовали нас, и я узнавал в них кое-кого из отцовских коллег-букинистов. В глазах десятилетнего ребенка это было похоже на тайное братство алхимиков, участников тайного заговора, творимого за спиной ничего не подозревающего мира. Отец опустился передо мной на колени и, глядя мне прямо в глаза, тихо заговорил голосом таинственным и доверительным:

– Это заповедное место, Даниель, святилище. Каждый корешок, каждая книга из тех, что ты видишь, обладает душой. В ее душе живут души тех, кто книгу писал, тех, кто ее читал и жил ею в своих мечтах. Каждый раз, когда книга попадает в новые руки, каждый раз, когда кто-то пробегает взглядом по ее страницам, ее дух прирастает и становится сильнее. Много лет тому назад мой отец привел меня сюда, и это место уже тогда несло на себе печать времени. Может быть, оно было таким же древним, как сам город. Никому доподлинно не известно, кто и когда его создал. Скажу тебе лишь то, что мне сказал отец. Когда исчезает какая-нибудь библиотека, когда закрывается книжный магазин, теряется или предается забвению какая-нибудь книга, мы, хранители, то есть те, кто обретается в этих стенах, уверены: эта книга обязательно попадет сюда. Здесь затерявшиеся во времени страницы, о которых никто не помнит, обрели вечную жизнь в ожидании того дня, когда наконец явится читатель, который вдохнет в них новую душу. В магазине мы продаем и по-

купаем книги, но в действительности ни одна из них никому не принадлежит. Каждая книга, которую ты здесь видишь, когда-то была чьим-то лучшим другом. Теперь у них не осталось друзей, кроме нас, Даниель. Ну как, ты сможешь хранить эту тайну?

Мой взгляд затерялся в безграничном пространстве, наполненном волшебным светом. Я кивнул, и отец улыбнулся:

— Знаешь, что самое интересное?

Я молча покачал головой.

— Согласно обычаю, каждый, кто приходит сюда в первый раз, должен выбрать одну-единственную книгу, ту, что ему понравится, взять ее под свое покровительство и отвечать за то, чтобы она никогда не исчезла, чтобы жила вечно. Это очень важная клятва. На всю жизнь, — разъяснял отец. — Сегодня твой черед.

Около получаса я бродил по закоулкам лабиринта, пропахшего старой бумагой, пылью и волшебством. Ладонь свободно скользила по рядам корешков, каждый из которых взывал ко мне. Среди них я смутно различал изглоданные годами названия на едва угадываемых и других, вовсе неведомых мне языках. Я шел по множеству коридоров и изогнувшихся спиралью галерей, сплошь уставленных книгами, которые, казалось, знали обо мне больше, чем я о них. Мне вдруг пришло в голову, что за каждым корешком таится безбрежный непознанный мир, в то время как за этими стенами течет совсем другая жизнь, с ежевечерними футбольными матчами и радиосериалами, скромной утехой тех, кто едва ли способен разглядеть что-либо дальше собственного носа. Может быть, эта мысль, а может, случай или его более знатная родственница судьба распорядились так, что я тут же понял, какую именно книгу мне предстоит взять под свою опеку. Или сама книга изъявила готовность стать моим опекуном... Последняя в ряду, она скромно выглядывала с самого края полки,

предлагая мне прочесть свое тисненное золотом на бордовой коже название, так и сиявшее в лившихся из-под купола лучах. Я подошел к ней и погладил буквы кончиками пальцев, прочитав про себя:

ХУЛИАН КАРАКС. ТЕНЬ ВЕТРА

Никогда прежде я не слышал ни названия, ни имени автора, но это не имело значения. Решение было принято. И мной, и книгой. Очень бережно я взял ее в руки и пролистал, высвобождая страницы из плена. Вырвавшись из своей темницы, книга подняла облачко золотистой пыли. Довольный выбором, я пустился в обратный путь по лабиринту, улыбаясь и зажав под мышкой свою находку. Должно быть, на меня подействовала колдовская атмосфера этого места, но я почему-то был уверен, что книга ждала меня здесь много лет, возможно, с тех пор, когда меня еще не было на свете.

Вернувшись домой на улицу Санта-Ана, я уединился в своей комнате, решив прочитать хотя бы первые строки своего нового друга. Сам того не заметив, я тут же с головой погрузился в чтение и уже не мог оторваться. В романе речь шла о человеке, посвятившем жизнь поискам своего настоящего отца, которого он никогда не знал и о чьем существовании ему на смертном одре поведала мать. История этих поисков представляла собой фантасмагорическую одиссею, в ходе которой герой пытался восполнить все то, чего был в детстве лишен, а за главными событиями маячил образ несчастной любви, преследовавшей его до конца жизни. По мере развития повествования его структура все больше напоминала мне русскую матрешку, внутри которой заключено множество ее маленьких копий. Постепенно роман рассыпался на тысячу историй, словно некий предмет, который, попав в зеркальную галерею, теряется в многочисленных отражениях, разных и в то же время схожих. Минуты и часы пролетали как во сне. За-

вороженный чтением, я едва различил, как на кафедральном соборе колокол пробил полночь. Медный свет лампы погрузил меня в мир образов и чувств, прежде неведомых, а персонажи, казавшиеся такими же реальными, как воздух, которым я дышал, увлекали за собой в нескончаемый лабиринт тайн и приключений, и выхода искать не хотелось. Перелистывая страницу за страницей, я целиком пребывал во власти романа и его мира, пока легкий предрассветный ветерок не повеял в мое окно. Но вот усталые глаза скользнули по последним строкам. В голубоватом утреннем свете я лежал на кровати с книгой на груди, прислушиваясь к глухим звукам спящего города, похожим на легкий утренний дождик, шелестящий по пурпурным крышам. Усталость и сон охватывали меня, но я не спешил сдаваться. Мне было жаль покидать этот волшебный мир и расставаться с его героями.

Как-то один из постоянных посетителей лавки заметил: едва ли найдется нечто, способное оказать такое влияние на читателя, как первая книга, проложившая путь к его сердцу. Те первые образы, отзвук слов, которые, как нам кажется, остались далеко в прошлом, сопровождают нас всю жизнь. Они возводят в нашей памяти дворец, в который — сколько бы книг мы потом ни прочли, сколько бы миров ни открыли, сколько бы ни узнали и ни позабыли — нам неизбежно предстоит вернуться. Для меня такими волшебными страницами стали те, что я обнаружил в лабиринтах Кладбища забытых книг.

Пепельные дни

1945–1949

1

Всякая тайна стоит ровно столько, сколько тот, от кого мы ее скрываем. Я проснулся с единственной мыслью: рассказать о Кладбище Забытых Книг лучшему другу. Томас Агилар был моим одноклассником; все свое свободное время и весь свой талант он отдавал изобретениям, столь же гениальным, сколь бесполезным, таким, как самодвижущийся дротик или электроюла. Как было бы здорово поделиться секретом с Томасом! Сквозь дрему я представлял себе, как, вооружившись фонариками и компасом, мы разгадываем загадки библиографических катакомб. Но, вспомнив о клятве, данной отцу, я решил, что обстоятельства вынуждают избрать, как обычно пишут в детективах, иной образ действий. В полдень я пошел к отцу и набросился на него с расспросами о Хулиане Караксе, который тогда потряс меня настолько, что я не сомневался: слава о нем гремит на весь мир. Мой план был прост: раздобыть все его книги и меньше чем за неделю прочесть их от корки до корки. Меня постигло жесточайшее разочарование: отец, завзятый библиофил и знаток всевозможных литературных раритетов, и слыхом не слыхивал ни о «Тени ветра», ни о его авторе. Задетый за живое, он внимательно изучил страничку с выходными данными.

— Тут сказано, что книга вышла тиражом две с половиной тысячи экземпляров в барселонском издательстве «Кабестань Эдиторс» в декабре 1935 года.

— Ты знаешь это издательство?

— Оно давно закрылось. Но это не первое издание, впервые роман опубликовали в ноябре того же года, но в Париже... Издательство «Гальяно и Неваль»... Не припомню такого.

— Значит, это перевод? — растерянно спросил я.

— Нигде не указано. Если верить тому, что здесь написано, перед нами оригинал.

— Книга на испанском, изданная сначала во Франции?..

— В наши времена бывает и такое. Пожалуй, нам может помочь Барсело.

Густаво Барсело, давний коллега отца, держал на улице Фернандо похожую на пещеру книжную лавку и был негласным главой самой верхушки цеха букинистов. Невозможно было представить себе Барсело без его неизменной погасшей трубки, источавшей ароматы восточного рынка; сам себя он называл последним романтиком. Барсело утверждал, будто он и его предки состоят в дальнем родстве с лордом Байроном, хотя был выходцем из местечка Кальдас-де-Монбуи. Возможно, в подтверждение своей благородной родословной он неизменно одевался на манер денди девятнадцатого века: шелковый шейный платок, белоснежные лакированные ботинки и монокль без диоптрий, с которым, как говорили злые языки, он не расставался даже в уборной. На самом деле куда как более значимым было совсем иное родство: один из его предков, промышленник, в конце девятнадцатого века не совсем честным путем сумел сколотить состояние. По словам моего отца, Густаво Барсело не бедствовал, и книжное дело было скорее его страстью, нежели источником заработка. Он обожал книги до безумия, вплоть до того, что (сам Барсело это категорически

отрицал), если в магазине появлялся покупатель, который влюблялся в какой-нибудь из выставленных на продажу экземпляров, но не мог за него заплатить, снижал цену насколько было надо, а то и вообще отдавал книгу даром, если считал клиента истинным читателем, а не ветреным дилетантом. Несмотря на подобные чудачества, Барсело обладал феноменальной памятью и педантичностью — качествами, которые предпочитал не выставлять напоказ. В общем, если кто и разбирался в редких книгах, то это, несомненно, был он. В тот вечер, закрыв свою лавку, отец предложил пройтись до кафе «Четыре кота» на улице Монсьо, где Барсело и его приятели-библиофилы обычно проводили время за дружеской беседой о забытых поэтах, мертвых языках и съеденных молью литературных шедеврах.

Кафе «Четыре кота» находилось в двух шагах от нашего дома и было одним из моих любимых мест в Барселоне. Именно там в 1932 году познакомились отец и мать, и я считал, что именно очарованию этого старого кафе отчасти обязан своим появлением на свет. Притаившийся в полумраке фасад охраняли два каменных дракона, а остановившие время газовые фонари берегли воспоминания о прошлом. Войдя в кафе, посетители растворялись здесь среди теней прошлого, но не только. Счетоводы, мечтатели, начинающие гении оказывались за одним столиком с Пабло Пикассо, Исааком Альбенисом, Федерико Гарсиа Лоркой или Сальвадором Дали. Любой бродяга, заплатив за чашку кофе, мог на несколько минут почувствовать себя исторической личностью.

— Боже! Семпере, — воскликнул Барсело, увидев моего отца, — блудный сын! Чем обязан?

— Обязаны вы, дон Густаво, моему сыну, Даниелю, который только что сделал открытие.

– Тогда присоединяйтесь к нам. Сие знаменательное событие стоит отметить.

– Знаменательное? – прошептал я отцу.

– Барсело изъясняется исключительно высоким стилем, – вполголоса сказал мне отец. – Ты помалкивай, а не то он еще и не такого наговорит.

Люди за столиком потеснились, освобождая нам место, и Барсело, любивший пустить пыль в глаза, настоял на том, что угощение за его счет.

– Сколько лет отроку? – спросил он, искоса поглядывая на меня.

– Скоро одиннадцать, – гордо ответил я.

Барсело лукаво улыбнулся:

– Иными словами, десять. Никогда не прибавляй себе годы, букашка, об этом позаботится сама жизнь.

Некоторые из приятелей-библиофилов пробурчали нечто одобрительное. Барсело подозвал официанта, такого древнего, что его давно уже можно было объявить памятником старины.

– Коньяк для моего друга Семпере, да самый лучший, а для его отпрыска – молочный коктейль. Ему надо расти. И еще несколько ломтиков окорока, только не такого, как в прошлый раз, понял? Вы тут не фирма «Пирелли», чтобы резиной торговать, – грозно сказал книгопродавец.

Официант кивнул и удалился, волоча ноги и душу.

– Ну что я вам говорил? – продолжил Барсело. – Откуда взяться рабочим местам, если в этой стране не увольняют даже покойников? Вспомните Сида. Видно, ничего уж тут не поделаешь.

Книголюб, посасывая погасшую трубку, пристально рассматривал книгу, что я держал в руках. Несмотря на личину пустомели и болтуна, он носом чуял хороший текст, как волк – запах крови.

– Итак, – сказал Барсело, изображая безразличие, – с чем пожаловали?

Я взглянул на отца. Он кивнул. Недолго думая я отдал книгу Барсело, и она оказалась в опытных руках. Тонкие пальцы пианиста быстро исследовали ее состояние, переплет и качество бумаги. С рассеянной улыбкой Барсело раскрыл страницу с выходными данными и, словно опытный криминалист, исследовал ее за одну минуту. Все вокруг, затаив дыхание, наблюдали за ним, словно ожидая чуда или разрешения сделать следующий вдох.

– Каракс. Интересно, – невозмутимо произнес он.

Я протянул руку за книгой. Барсело приподнял брови, однако вернул ее мне с ледяной улыбкой:

– Где ты ее раздобыл, малыш?

– Это секрет, – ответил я, догадываясь, что отца забавляет ситуация, в которую попал этот всезнайка.

Барсело нахмурился и перевел взгляд на моего отца:

– Послушайте, Семпере, только из уважения к вам и благодаря узам давней и искренней дружбы, которые нас связывают, остановимся на сорока дуро, и ни песеты больше.

– Я должен посоветоваться с сыном, – возразил отец. – Книга принадлежит ему.

Барсело обратил ко мне волчий оскал:

– Что скажешь, отрок? Для первого раза сорок дуро – совсем неплохо... Семпере, твой мальчуган далеко пойдет. Он прирожденный книготорговец.

Сидевшие за столом подобострастно рассмеялись. Барсело самодовольно посмотрел на меня и достал свой кожаный бумажник. Он отсчитал сорок дуро, что по тем временам было целым состоянием, и протянул их мне. Я молча покачал головой. Барсело снова нахмурился:

– Видишь ли, алчность – один из смертных грехов, порождаемых бедностью, не так ли? Так и быть, шестьдесят дуро, и ты сможешь завести себе сберкнижку, в твоем возрасте пора подумать о будущем.

Я снова молча покачал головой. Сквозь монокль Барсело бросил разъяренный взгляд на моего отца.

— Зря вы на меня смотрите, — сказал отец, — я тут ничего не решаю.

Барсело вздохнул и стал пристально меня разглядывать:

— Послушай, малыш, чего ты хочешь?

— Я хочу знать, кто такой Хулиан Каракс и где можно найти другие его книги, если, конечно, он еще что-нибудь написал.

Густаво тихо рассмеялся и убрал бумажник, поняв наконец, с кем имеет дело.

— Ты прямо академик! Семпере, и чем вы его только кормите? — пошутил книготорговец.

Он доверительно наклонился ко мне, и в его глазах промелькнуло нечто вроде уважения, чего еще несколько секунд назад я в них не видел.

— Давай договоримся так: завтра вечером ты зайдешь в библиотеку Атенея и спросишь меня. Захвати с собой книгу, чтобы я мог хорошенько ее рассмотреть, и я расскажу тебе все, что знаю о Хулиане Караксе. *Quid pro quo**.

— *Quid pro*... что?

— Латынь, парень. Мертвых языков не существует, есть лишь заснувший разум. Иными словами, хотя и говорят, что даром только сыр в мышеловке, но ты пришелся мне по душе, и я окажу тебе услугу.

От говорливости этого человека мухи на лету дохли, но я смутно чувствовал, что, если хочу добыть сведения о Хулиане Караксе, мне лучше поддерживать с ним добрые отношения. Я деланно улыбнулся, изображая восторг перед его изысканной речью и латинизмами.

— Помни: завтра в Атенее, — провозгласил Барсело. — Не забудь прихватить книгу.

— Хорошо.

Разговор мало-помалу растворился в ученых беседах библиофилов, которых волновали документы, найденные в подвалах Эскориала, из коих следовало, что, возможно, дон Мигель де Сервантес — всего лишь псевдоним,

* Здесь: «Услуга за услугу» (*лат.*).